

- [Andre Oldmen](#)
 -
-

Андре Олдмен

Щит Агибалла

(Конан)

Нергал меня дернул назначить встречу в корчме старого Шрухта!

Зря предчувствиям не внял, выходит, а ведь было над чем призадуматься.

Тоска какая-то полезла в душу, как только сверну на Тропу Мертвцевов. Тревога, видения нехорошие — гадость, словом. Иду и думаю: что за дрянь? Не оттого же мне муторно, что сумерки темно-синие из-под еловых лап уже лезут, и дорога, днем белая, песчаная, десятки раз хоженая, расплывается, словно сновидение под утренним ветерком. Что мне до тех сумерек? Не темноты здесь надо бояться и, уж конечно, не мертвцевов, а если знаешь, что тебе грозит, это уже полдела. Это уже почти что ты и в безопасности.

Иду и таким вот манером себя успокаиваю. Легкая синеющая пыль вздымается под ногами и приятственно их холодит: иду я босиком, сандалии за плечами. Чего зря обувь топтать? И потом — верю я, что земля силу дает, а сила эта сквозь кожаные подошвы не очень-то проникает.

Лес в Гиблом Распадке густой: ели мхами поросли, подлесок колючий далее пяти шагов с дороги не пустит. Каркает кто-то в подлеске, ухает. Мелкие твари, нестрашные.

А страшно мне становится по-настоящему, когда поворачиваю за песчаный откос, что нависает над тропой по левую руку, тот самый, возле которого, как рассказывают, настигли некогда убийцы старого князя Увлехта и кишким ему выпустили. За этим поворотом и начинается, собственно, Тропа Мертвцевов, хотя вся дорожка к корчме Шрухта так называется.

Тут, за поворотом, сероволосые и ставят свои столбы. Столбы эти витые, резные, с мордами рыбьими и птичьими, локтей десяти- пятнадцати высотой, а наверху ящики с покойниками. Ящики тоже украшены страшной резьбой и снабжены крышками наподобие маленьких домиков. Оттого и зовутся — домовины. В сих скорбных хоромах — прах, кости, плоть зловонная. Сквозь стенки запах иногда доносится такой, что голова кругом идет. Тем более, мрут сероволосые последнее время немало, и все новые покойнички определяются на постоянное проживание вдоль Тропы Мертвцевов. Сколько добра в тех домовинах — богам только ведомо. Здешние считают, что умершие должны все необходимое с собой иметь: утварь, оружие, даже драгоценности. Кладут, лихих людей не опасаются. А чего опасаться, когда любой малец знает, что мертвцы шутить не любят и добро свое запросто так нипочем не отдадут!

Мальцы, может, так и думают, но взрослые-то давно смекнули, что бережет кувшины, плошки, мечи и браслеты в домовинах. Днями по белой дороге разъезжает отряд стражников-ополченцев, а ночами... Ночами любой тать, если, конечно, ума он совсем не лишился, скорее даст отсечь себе руку или что еще поценнее, а только к столbam не сунется. И в сумерки не сунется, когда до появления роя не более одной свечи осталось!

И вот, поворачиваю я за откос, и вижу, что возле первого столба сидит некий человек и уплетает за обе щеки пресную лепешку, из тех, которые здешние складывают к подножию в дни поминовения.

Само по себе это уже удивительно. Не знаю я ни одного человека, кто польстился бы на подобное угощенье. Сам видел старого нищего, у которого еда мертвецов из ушей вылезла. А этот парень, синеглазый и темнокожий, здоровый, как буйвол и спокойный, как Толстая Башня в стольной Кельбаце, трескает за милую душу, рассевшись у основания погребального столба, словно в немедийском трактире. Рожа у парня наглая, подбородок тяжелый, одет он в какие-то обноски, а между колен зажат короткий меч в потертых ножнах.

Ладно, мы всяких видели. И таких, между прочим, что в Гиблый Распадок гоголем влетали, да курицей ощипанной улепетывали. Если, конечно, боги давали ноги унести. Немало костей белеет в окрестных чащах, и никто не думает погребать их в домовинах.

Так я думаю и пылю спокойненько мимо. Парень на меня синие зенки таращит и молча челюстями двигает.

Миновал я уже почти глупца здорового, и тут вдруг язык зачесался. Столько раз говорил себе: кто рот раскрывает, тот часто глаза навек закрывает! И не только говори, видел тому подтверждение. И в Бритунии затрюханной видел, и на севере, и на юге. Везде одно и то же. Держи свое при себе — дольше проживешь. Ну, да наверное, судьба у меня такая: во все соваться. Одно слово: Альбинос...

— Эй, — говорю парнишке, — позволь тебе заметить, что ты ешь пищу мертвых.

Он набычился, рукоять меча своего погладил и говорит:

— А ты кто таков, чтобы мне советы давать?

— Зовусь я, — отвечаю, — Халар Ходок, меня здесь все знают. А тебя что-то не припомню.

— Меня, — отвечает здоровяк, — только тот помнит, кто мне по нраву. Остальные жду. На Серых Равнинах.

И ослабился. Зубы у него белые на удивление, на лице — ни парши, ни "огня бледного". Хорошее лицо, хоть и злобное.

Я, конечно, свою палочку тут поудобнее перекинул, чтоб он заметил. Палочка крепкая, на одном конце медный наконечник с крючком, на другом — свинцовый набалдашник. Может, кто меч или там булаву предпочитает, а мне и с палочкой хорошо. Редко подводила.

— Ты, — говорю, — видно, иноземец. Похож на киммерийца, коих даже в дикой Бритунии почтают за варваров. Лет тебе немного, шестнадцать-семнадцать. В наших краях не бывал. Так послушай, ежели желаешь, доброго человека. У нас тут так: не укрылся на ночь за стенами — погиб. Мне плевать, что ты мертвецов объедаешь, это пусть старейшины да жрецы яйца чешут, но ежели мозги твои по весу достойны тела, пораскинь ими. Корысти у меня нет, предупредить хочу.

— Ладно, — бурчит здоровяк, — предупредил. Что за твари ночные, коих вы так боитесь? У меня, — тут он снова погладил свой меч, — кое-что для них имеется.

— Против этой заразы, — отвечаю, — твоя игрушка что веер придворной дамы супротив насильника. Сколько ни махай — толку не будет.

Тут он поднимается, и я вижу, что киммериец на пол головы меня выше и в плечах шире раза в два.

— А откуда ты, — гудит, — моль бледная, узнал, сколько зим минуло с моего рождения и откуда я родом?

Не стал я ему объяснять, что вижу гораздо больше: и то, что был он гладиатором в жуткой Гиперборее, и бежал оттуда, и приключений имел немало... Положа руку на сердце, сам не знаю, как это у меня получается, а только люди для меня — не загадка. Хотя и

отведал яиц оотэка лишь дважды, и открыл их пагубную тайну, — потом отвратился от дурного пристрастия, чего и всем желаю.

"Моль бледную" в другой раз, может быть, и не стерпел бы, но встреча у Шрухта была куда важнее случайной стычки на вечереющей дороге, и грусть-тоска почти отпустила, не знаю почему. Быть может, здоровяк-киммериец, жрущий пищу мертвых со спокойной ухмылкой, всколыхнул в душе что-то далекое и полузабытое.

— Ладно, — говорю примирительно, — не след на ночь глядя тут торчать. А ежели мечом помахать хочешь не запросто так, а по делу, приходи в корчму "Божий глаз", далее по дороге. Там буду тебя ждать. Солнце взойдет, тогда и выясним, кто моль бледная, а кто шут колдунов гиперборейских...

Тут он на меня и прыгнул. Хорошо прыгнул, по всем правилам: чем сразу из ножен долой, и выпад мне в живот, да еще с выкрутом! Такой выкрут, ежели дело до конца довести, кишки по елкам развесит. «Штопор» у гладиаторов зовется, а откуда то ведаю — не спрашивайте, никогда в казармах Халоги не был, да и не очень туда собираюсь.

С трудом я отбился палочкой, живот свой тощий от потрошения спас, а юноша северный уже снова в атаку летит, и тут я смекаю, что не зря дурные предчувствия меня мучили. Многих супротив моя деревяшка стояла, а такой ярости по пустяжу ее хозяин доселе не видывал! Решил, видать, за пару слов меня северянин порешить, не иначе.

Ладно. Скакали мы в синей пыли довольно долго. Задел он мне плечо, хитон разорвал и плечо оцарапал, да я ему единожды набалдашником свинцовым ляжку огrel — смешные поранки! Пока топтались, темень совсем упала. И вижу, палкой размахивая, как из-под лап нависших, из-под подлеска, начинает выползать... Он, рой гибельный!

— Стой! — ору я киммерийцу. — Стой, дубина оледенелая, иначе обоим хана!

Он, даром что воин пылкий, — чутье, как у животного, — сразу застыл, только глязенками синими вращает и острие клинка с меня не сводит. Дыхалка у него сразу успокоилась, взгляд осмысленный: рубака, как есть, бывалый. То и спасло нас.

— Стой, — повторяю, — ежели в домовину на пару со мной не хочешь! Говорено: утром у нас оружием машут, вечерами же гибель грозит любому. Глянь за дорогу...

Он глянул. Ничего ему, конечно, пришлому, страшного там не открылось. Как туман легкий, как дымок едва воскурившийся, — лезет рой из-под ветвей и тихо так шелестит крыльшками, как камыш под ветром. И принять его легче за туман лунный. И думает мой киммериец, что хитрость я применил, отвлечь его желая.

Я, знамо дело, не воин никакой и никогда таковым себя не выпячивал. Куда уж выродку до подвигов ратных. А только вижу: арена в Халоге, кровью залитая, бойцы по ней мечутся, и те, кто желает снова в казармы вернуться, не только силой да натиском врагов одолеваются... Вижу: здоровенный шемит с сетью и трезубцем, а супротив него верткий замориец... В чем только душа держится, и как такого заморыша ведьмы да колдуны гиперборейские на круг выпустили? На трибунах гвалт и крик великий: "Убей! Убей!" Нет надежды у заморийца, но он цепок до жизни, ох цепок! Вот — в лицо ему летят три заточенный смерти, взмах меча, еще, еще... Слабеет рука: отчаяние и скрежет зубовный! И орет мой замориец, плюгавый шакалишка, орет, обливаясь потом и кровью: "Ты! оглянись! Во имя Мардука, воина небесного, оглянись!" И еще что-то невнятное...

— Во имя Крома! — ору я киммерийцу. — Оглянись! Там — смерть!

И бросаю свое оружие под ноги, в темно-синюю пыль. Надо отдать должное варвару: он не пользуется пустыми руками противника. Он косится через плечо, и на сей раз лицо его

мертвеет. Северянин сейчас похож на волка, почувствовавшего гибельную близость прикрытым травой ямы. Ничем рой пока не изменился, все то же туманные облачко, и шуршит по-прежнему тихо, а только киммериец мой чувствует: шуршит то гибель, и гибель мучительная.

Тут я, конечно, мысленно благодарю всех богов, что послали мне не тупого немедийца либо насмешливого аквилонца — варвара-киммерийца послали! Почти что родственника. Хотя предки наши и воюют не на жизнь, а на смерть.

— Струхнул, белобрысый?! — говорит он неуверенно, поводя головой направо-налево и прислушиваясь к пагубному шелесту. — Я, хоть и шут гиперборейский, а вкуса печени еще не забыл.

— А я, — отвечают, — хоть лицом и волосами белее снегов асгардских, но от слов своих не отрекусь. Завтра драться будем — а пока ноги уносить отсюда надо!

— Знаю, не врешь, — и киммериец вдруг убирает в ножны свой меч. — Дрянь, что лезет из-под кустов, мне не нравится. Что ты там о корчме говорил?...

И мы бежим, словно два загнанных оленя, поднимая ногами темно-синюю пыль, и столбы с домовинами мелькают по сторонам. Бежим, ощущая за спинами шелест крыльев смерти...

* * *

— Давненько тебя не видел, Ходок, — сказал Шрухт Гнилой Желудь, подавая гостю кружку с гречишным медом.

— Не напрашивайся на любезность, почтеннейший. — Тот, кого называли Ходоком, опрокинул зелье единым махом и оттер губы тонким запястьем, на котором красовался массивный золотой браслет. — Не могу сказать, что особо заскучал, не видя твою рябую рожу.

Шрухт хихикнул, и не подумав оскорбится.

— Если уж говорить о рожах, — прогнулся он, отирая рукавом засаленной куртки поверхность дубовой стойки с застарелыми подтеками, — хорош ты был вчера со своим приятелем, когда я впустил вас за дверь! Клянусь потрохами Увлехта, на ваших задницах сидело по десятку кровососов!

— Заруби на своем кривом носу, — буркнул Ходок, оглядываясь через плечо, — парень, который сосет брагу в обществе Зубодера и Проповедника, не имеет ко мне ни малейшего отношения. Мы встретились на Тропе Мертвцев, я признал в нем иноземца и счел своим долгом предупредить об опасности.

— Какая трогательная забота! — воскликнул корчмарь в притворном умилении. — Проповедник останется доволен: хоть одну заблудшую душу он наставил на путь истинный! Можешь хоть сейчас отправляться в Бельверус, послушником в храм Митры. Сказывают, кормят там неплохо, а молитвы тебе теперь только в радость придутся. Что скажешь? Или угодно сперва закусить на дорожку?

— По зубам тебе дать угодно, если пасть не прикроишь, — все так же мрачно отвечал Ходок.

— Да будет тебе, — Шрухт приподнял подол кожаного фартука и обмахнулся, морща

пористый нос и закатывая белесые глазки, — мне уже страшно! Ладно, Альбинос, громилу этого ты все же зря с собой притащил. Глехтен-Глас будет недоволен.

Альбинос, чьи светлые волосы и бледный цвет кожи служили лучшим подтверждением его прозвища, насторожился.

— Он здесь?

— Он здесь и ждет тебя. Проводить?

Ходок кивнул и, отставив кружку, на дне которой плескался лишь мутный осадок сомнительного зелья, последовал за хозяином корчмы. Огибая стойку, он шлепнул по ней узкой ладонью и украдкой бросил взгляд на киммерийца, сидевшего в дальнем углу зала. Молодой северянин был занят беседой со своими нечаянными собутыльниками: тощим, похожим на стручок сушеного перца человеком по прозвище Зубодер, и Проповедником, багроволицым потным толстяком. Первый непрятворно восторгался зубами киммерийца, второй вяло пытался втолковать молодому человеку преимущество Бога Истинного над демонами языческими.

— Пойми, темная душа, — говорил толстяк, уплетая куриную ножку и запивая ее добрыми глотками аренджунского, — ваш Кром есть лишь заблуждение, коему подвержены северные народы. Я сам побывал в Асгарде, Киммерии и Ванахайме и могу сказать, что варвары столь же угодны Подателю Жизни, как и остальные народы. Не все, правда, варвары, а лишь те, кто открыл сердца свои Огненному Свету Несотворенного.

— И мне, — вторил ему Зубодер, прихлебывая из оловянной чашки, — довелось пожить в землях северных народов, и могу утверждать, что нижние и верхние ости весьма сходны у тамошних жителей и у народов южных: зингарцев, аргосцев и даже, как то ни прискорбно, шемитов...

— Отчего же «прискорбно»? — басил Проповедник. — В Заветах Митры сказано: "Пред Ликом Моим нет ни хайборийца, ни гирканца, ни тварей, коих бы Я еи облагодетельствовал..." Посему и последний зембабвиец столь же угоден Всеблагому, как и благочестивый аквилонец.

Зубодер при этих словах нахмурился и молвил веско:

— И все же, жевательный аппарат весьма отличен у истинных хайборийцев и у уроженцев тех мест, где доминируют допотопные племена. Так говорит наука.

— Даренному коню в зубы не заглядывай, — невпопад обронил Проповедник.

Зубодер тут же обиделся.

— Да ежели на то пошло, уважаемый, я могу по зубам отличить не только хауранского скакуна от шемского тяжеловоза, но и какого-нибудь киммерийца от родственного ему племени вана...

Тяжелое молчание повисло над кошмой, на которой расположились трое.

— Ты, кажется, сравнил киммерийцев с лошадьми? — подал голос молчавший доселе варвар.

Зубодер что-то пробормотал, делая оправдаться, и тут же замолк, ощутив крепкую руку, схватившую его за шиворот. Завидев яростный блеск в глазах северянина и тут же пожалел о своих необдуманных словах.

— Я лишь хотел сказать, — прохрипел он, — что наука... исследование челюстей...

— Твои челюсти я исследую, когда проломлю тебе башку! — рявкнул киммериец и толкнул несчастного специалиста так, что тот отлетел на добрую дюжину шагов и стукнулся затылком о земляной пол корчмы. — А сейчас, если ты мужчина, поднимись и защищайся!

Посмотрим кто сильней: твой Митра или Кром, мой покровитель!

— Угомонись, юноша, — возгласил Проповедник, взмахивая куриной ножкой, — не то гнев пресветлого обратит тебя...

Во что обратит гнев Митры богохульника, никто из раскрывших рты посетителей "Глаза бога" так и не узнал. Задняя дверь распахнулась, и оттуда вылетел тощий долговязый малый с палкой, увенчанной свинцовым набалдашником на одном конце и медным острением с крюком на другом, — вылетел с ревностью птицы, ускользающей из сетей птицеловом...

За ним, размахивая мечами, повалили воины в доспехах с гербом короля Бритунии на кожаных нагрудниках.

* * *

Сам не знаю, что меня насторожило в словах Шрухта. Не в словах даже, а в тоне его и ужимках: вроде бы все, как обычно, и морда гнусная, и щурится, как девственница на фонарь веселого дома, а только засвербило что-то у меня за грудиной, и все тут.

Второй раз оплошал Альбинос, за один только день — и второй раз! Поспешил расслабиться, когда мы с киммерийцем влетели в корчму.

Шрухт уже поднимал лестницу, и дверь готова была вот-вот захлопнуться, оставив опоздавших на растерзание роя. Собственно, схватил нижнюю ступеньку северянин, да так, что двое дюжих прислужников во главе с хозяином, не смогли приподнять ее ни на пядь. А когда мы поднялись на площадку между двумя здоровенными вязами, где, словно гнездо, примостилась корчма "Глаз бога", мой новый знакомец, почесывая задницу (пяток-другой кровососов, опередив рой, все же успели прокусить ему штаны), осведомился, что это за дрянь, от которой мы с ним улепетывали во все лопатки.

Пришлось ему рассказать, что это за дрянь. Собственно, никакого секрета тут нет: о Гиблом Распадке болтают от Грaskaля до Бельверуса. Думаю, где-нибудь в Тарантии и Кордаве тоже болтают, но для тамошних слушателей дела наши — сказки дикой страны. А между тем, ничего сказочного в наших комарах нет, разве что их размеры: с кулак величиной и с хоботками, что твой большой палец. Рой поднимается из Провала с наступлением сумерек и бесчинствует до первых солнечных лучей. Причем далее границ Гиблого Распадка отчего-то не летает, предпочитая добычу неподалеку от Провала...

Тут мой пытливый юноша интересуется, что за Провал такой и с чем его едят.

Провал, объясняю, это такая дыра в земле, весьма обширная, с отвесными скалистыми краями. А что там внизу — никому не ведомо. Сказывают только, что лежит на дне пропасти легендарный щит Агибалла, небесного великана, вступившего во времена оны в соперничество с самим Митрой. Податель Жизни вызвал великана на бой и вышиб из его рук волшебный щит, который рухнул с вершины небесного купола, упал, взметнув море огня, на землю и образовал пропасть на границе нынешней Бритунии и Немедии. Так и лежит щит небожителя на дне. Как он выглядит и на что годен — никто не знает, а те, кто хотели прознать, навсегда канули в бездне.

— Так уж и все? — любопытствует варвар.

— Все! Из пропасти нет возврата. Рой, видать, на дне обитает, а что может рой многие

видели, не надо и вниз спускаться. До костей человека объедают проклятые твари, и нет от них спасения ни конному, ни пешему, ни знатному, ни простолюдину. Кровососы, правда, тяжелым телом и выше трех локтей над землей не летают. Оттого и поднимают в Гиблом Распадке дома на деревья, либо на холмах строят, и окна густой тканью затягивают. Но ежели кто к ночи под кров не поспеет: пусть на себя пеняет. Кровь выпьют и плоть обгложут.

Северянин только хмыкнул и презрительно сплюнул.

Вижу, не поверил мне юноша. Его, в общем-то, дело, но выпили мы к тому времени уже изрядно, язык у меня развязался, и поведал я варвару историю месьора Дхрангаза, искателя приключений.

Сер месьор, родом не то из Аквилонии, не то из Зингары, поклялся, что проведет ночь в Гиблом Распадке. Ставкой в споре был, кажется, родовой замок. Дхрангаза заказал себе чудные доспехи из сплошного металла, под которые нацепил войлочные штаны и рубашку, пропитанную каким-то магическим противоядием, купленным вгридорога у колдуна в Бельверусе. Затем героический месьор приказал доставить его под развесистое дерево на Поляне Берцовой Кости, усадить и оставить коротать ночь. Коротал он ночь с двумя знатными мехами пуантенского и бычьей ляжкой.

Когда утром закладчик в споре, местный бритунский князь Увлехт, прибыл на поляну, месьор еще издали помахал ему закованной в металл рукою. Увлехт уже оплакивал свое родовое поместье, но, откинув забрало дхрангазова шлема, в ужасе отшатнулся. Из-под маски вылетели, шурша крыльями, проклятые кровососы. Они-то там внутри и копошились, шевеля доспех уже мертвого Дхрангаза. Видно, твари забравшись под броню, проворонили рассвет и продолжали пиршество как ни в чем не бывало. Солнце мигом их убило, но от месьора Дхрангаза, увы, остался лишь хорошо обглоданный костяк.

Через пару месяцев вассалы Дхрангаза подстерегли Увлехта возле песчаного откоса на Тропе Мертвецов и выпустили князю кишки, однако история их господина навсегда отбила у остальных охоту испытывать судьбу в Гиблом Распадке.

Киммериец мой и бровью не повел. Не знаю уж, что он там себе думал, может быть прикидывал, как щит Агибалла достать. С него станется, юноша решительный.

Ночь мы скоротали мы на соломе в задних помещениях, а утром решили головы поправить. Пока Шрухт нам кружки таскал, прибыли Зубодер и Проповедник, известные болтуны, и начали языками чесать, благо я подкинул северянину пару золотых и выпить на что было. Деньжат ему дал с единственной целью: отделаться и поискать Глехтен-Гласа, моего покупателя старинного.

Тут-то Шрухт, старая болячка, и сообщил, что Глехтен-Глас со вчерашнего дня меня дожидается, а знака не подал, мол, потом что товарищ мой подозрения его вызвал. Ладно. Стоило бы мне сразу засомневаться: отчего это покупатель таким подозрительным стал. Словно я всегда один в корчму являюсь. Словно мало я кого с собой приводил: и беглых рабов, и разбойников лихих, и даже стражей купленных. Иных жадность толкала, иных глупость... И вот иду я в каморку убогую, где всегда с покупателями встречаюсь, и обнаруживают там одноглазого Глехтен-Гласа собственной персоной. Сидит он и зенку свою единственную на меня пилит. Поздоровкались.

— Принес? — спрашивает старый ублюдок.

— Принес, — говорю.

— Давай.

Начинаю я мешочек свой развязывать, где оотэка лежит, а тут у стенки, что за спиной

одноглазого, кусок вываливается (щиток там есть, лаз тайный, мне хорошо известный) и оттуда выступает во всей своей красе Хредх, начальник кельбацкой стражи в старом шишаке и с маленьким круглым щитом у пупа. И не один выступает, а в сопровождении вояк своих в кожаных нагрудниках и с арканами у пояса.

— Садись, — говорит мне Хредх ласковым голосом. — А мешок свой на стол положь. Сажусь и кладу. А что еще делать?

— Что же ты, друг мой, опять за старое? — говорит Хредх совсем уже елейно. Радуется, сучий потрох, а когда ищечка радуется, то и зубы спрятать может. Признаюсь, больше всего не люблю, когда меня берут с улыбкой ласковой. Лучше сразу — в морду. Как в Немедии. Там церемониться не любят, и пятки у стражи кованые, зеленые. Или где-нибудь в Туране: там, ежели арест пережил, считай, хорошо отдался. А вот в Зингаре плохо берут: прежде чем по сопаткам съездить, разговоры разговаривают, пыжатся, гордость свою южную тешат. Подозреваю я, что Хредх в Зингаре родился, хотя и служит королю Бритунии.

— Ну-с, — тянет начальник королевской стражи, — предупреждали тебя, альбинос?

— Предупреждали, — говорю.

— Не внял уверениям?

— Не внял.

Чего отнекиваться, когда оотэка — вот она, на столе лежит. Глехтен-Глас зенкой своей в пол пляится и молчит.

— А дружок твой, — гнусавит Хредх, кивая на несостоявшегося моего покупателя, — раскаялся. Раскаялся и тебя выдал. Смекнул, плевок гнойный, что Его Величество шутить не любит. Смекнул, а?

Глехтен-Глас кивает и подтверждает, что смекнул. А еще, говорит он, Митра его просветит и глаза открыл. Вернее — один глаз, но открыл широко. И решил он, Глехтен-Глас то есть, избавить мир от скверны. Скверну же Ходок поставляет, единственный человек во всем мире, коему путь в Провал не заказан.

— Знаешь, сколько вельмож от дряни твоей спятило? — спрашивает Хредх. Я только плечами пожимаю. Думаю, немало. И не только вельмож.

— Митра Пресветлый! — Хредх аж подпрыгивает, изображая праведный гнев. — Величество наш, храни его боги, едва твоей заразы избегнул! А князь Влоуш так и помер, и жену перед тем зарезал...

— Что ж, — говорю, — такова его планида, видать. Ему оотэку не продавал. Чтоб вы знали, яйца я только посредникам сбываю, а уж куда они их везут — Сету ведомо.

— Ты Сета не поминай тут, — щерит гнилые зубы Хредх, — на Суде Жрецов поминать будешь!

Суд, как же! Судить меня никто не станет. Поорут, посохами помашут и сожгут на площади. Даром что среди жрецов покупателей оотэки не менее, чем среди придворных интриганов. Ну как же: яйцо за щеку, и ты уже видишь, что твой соперник в мыслях своих таит. Недолго, правда, видишь, пока яйцо за губой тает. Но кто, Нергал их задери, велит потреблять "лучезарные зерна" без меры? Никто не велит, кроме честолюбия неумного и желания вверх над соперником одержать. Оотэка же коварна: ежели долго «зерна» ее за губой держать — мозг в губку превращается и работать нормально без яиц Жрицы Агибалловой уже не может. Еще бы: человеку такое открывается, что тут не только жену зарежешь, но и себе кишки выпустишь.

— Сет, — стараюсь я говорить сдержанно и даже подобострастно, — тут ни при чем, это

вы, месьор, верно заметили, Алефтин-книжник из Кельбацы у меня яйца заказывал, говорил — изучает он оотэку. Кому и поставлял через посредников.

Легенда, конечно, плохонькая, но, когда тонешь, и соломинка подспорье.

Хредх скалится довольно.

— Алефтина-книжника твоего, — говорит, — седьмицу назад возле Толстой Башни сожгли. Яиц ему в рот насовали и спалили, по приговору Суда жрецов... Да ты палочку-то свою положь, от греха подальше.

Тут только замечаю, что сижу я на лавке и палку свою меж колен сжимаю. Воины королевские за спиной начальника своего маячат, меч наголо, а четверо — по бокам от меня топчутся, клинки оглаживают. Что им, рубакам старым, кривой посох какого-то там прощелыги?

В ошибке своей двое разувериться так и не успевают. Первому наконечник с крюком попадает в глаз, второй валится от удара свинцового набалдашника. Гехтен-Глас вопит и падает на пол. Правильно — его мне уже не достать: пятеро стражников с рыком кидаются вперед...

Не знаю, может выродок я, действительно, белобрысый, с глазами бесцветными, презираемый от южных до северных пределов, где мне побывать случалось, или Провал так действует. Более всего мне схватки не любы, боюсь я схваток. Но, как до дела дойдет, тут со мной это и приключается. Словно в воду попал, и напали на меня обитатели пучин: страшные, но медленные, неуклюжие. Плыют они из мути, щупальцами шевелят, норовят схватить и в пасть свою затянуть. Только мне-то в пучинах тех привольно: и двигаюсь быстрее, и сообразить успеваю, откуда нападение и чем оное чревато.

Пока пятеро вперед скачут, я уже на ногах и бью тупым концом своей палки. По причинному месту бью — это, хоть и не по правилам, но результат имеет. Стражники вопят и валятся. Хредх, потрох курий, решил гирькой разбойничьей воспользоваться даром что представитель закона. Гирьку он из штанов вынул и над головой крутнул... Она медленно так ко мне поплыла, поймал я дуру свинцовую и назад кинул. Пока грузило летело медленно в лоб начальнику стражи, я успел еще троих завалить, потом назад сиганул, дверь каморки спиной выбил и через стойку перекатился...

И тут диво мое кончилось, как и не бывало. Сижу я на полу, а сверху стала блестит угрожающе: ублюдков-стражников слишком много для меня оказалось, и лезут они из дверей, что твой рой из доспехов покойного Дхрангаза!

Успел я еще подумать: хана! Глехтен-Глас, ублюдок, Хредх, чтобы вас все демоны преисподней задрали, Атрис же, мою девочку существо безответное, боги храните... Будьте прокляты ублюдки, прости меня, люба моя ненаглядная! Не дождаться тебе меня, сирого, не успокоиться нам двоим на дне Провала...

И тут стала блеснула, но не опустилась, башку мою грешную рассекая, а покатились стражи, плескаясь в крови, словно рыбы в струях речных, — покатились под ударами варвара, о коем я и забыл почти.

Верно изречено в Заветах: "Не избирай ближнего, ибо сам придет..."

— Как тебя величают, северянин? — спросил Альбинос.

Они сидели в кустах на краю Провала, держа оружие наготове. Короткий меч киммерийца тускло блестел в лучах неяркого бритунского солнца, Ходок, по обыкновению, сжимал палку со смертоносным набалдашниками между колен.

— Мать звала меня Конаном, — сплюнул густую жвачку варвар. Он жевал лист акации, мясистый и даже вкусный, если, конечно, вкушающий сей дар лесов достаточно голден.

— Не помню, как звала меня родительница, — пробурчал его спутник, — но в Бритунии я известен под именем Халар Ходок, другие же кличут Альбиносом. Первое прозвище дано мне в знак уважения, второе употребляют люди, меня презирающие.

— Альбинос — это то же, что "белая ворона", выродок, — заметил варвар спокойно, словно речь шла о бараньей ножке на ужин. — Ты заслужи это прозвище. Погляди в озеро и успокойся.

— А я спокоен, — хмыкнул Ходок, — и твои речи мне не обидны. Варвары привыкли называть вещи своими именами, не то что цивилизованные люди, норовящие в любое слово вложить подспудный смысл. Да, я "белая ворона", о чем говорят цвет моих волос и кожи. Кстати, мать моя родом из Асгарда. Ничего?

Он спросил так, отлично зная, что асы и киммерийцы — извечные враги.

— В казармах Халоги я знал уроженцев твоей страны, — откликнулся Конан. — Некоторых я убил, другие убивали иноплеменников. Мы все были там равны.

Ходок невесело усмехнулся.

— Пожалуй, если бы Митра решил установить всеобщий мир и благодеяние, как о том трактуют жрецы, он выпустил бы колдунов Гипербореи из-за Врат Черепа, дабы правили землями от Кхитая до пустошей Пиктов! Слушай, северянин, ты спас мне жизнь там, в корчме, и я тебе обязан. Поверь, рад бы помочь, да нечем. Впереди нас Провал, а позади — псы короля Бритунии. Их слишком много, чтобы отбиться. Я уйду на дно пропасти, куда вояки не сунутся. Рад бы пригласить тебя с собой, но не могу.

— Из-за роя?

— Да чепуха этот рой! Внизу есть вещи и поопасней.

— Если ты их не боишься, я — тем более! Что можешь ты, белобрысый, из того, что не могу я?

Альбинос задумчиво потер лоб, потом сказал:

— Меня не зря зовут Ходоком, киммериец, только я способен спускаться в пропасть... Вернее, спуститься в Провал может всякий, но вот покинуть его... Я один, Альбинос, выродок рода человеческого.

Где-то сзади, за густым подлеском, послышался лай собак: ищёйки Хредха шли по следу беглецов.

Варвар провел крепким пальцем по белоснежным зубам, вытирая налипшую жвачку.

— Слушай, белобрысый, — сказал он, — выбора у меня нет. Я иду с тобой. И заруби на своем бледном носу: Конан-киммериец всегда делает то, что считает нужным!

— Даже если его предупреждают о неминуемой гибели?

— Даже так! а гибель — она повсюду...

В этот самый миг ветви кустов раздвинулись, и десяток дюжих стражников ринулись на беглецов, размахивая мечами.

Клинок киммерийца и палка Ходока заработали одновременно. Кожаные нагрудники не

были помехой ни для остро отточенного лезвия, ни для бешено мелькающих наконечников: подлесок обагрился кровью, а чистый, напоенный ароматами хвои воздух огласился предсмертными криками.

И все же нападавшие одолевали: варвар и Альбинос пятались к Провалу, проклиная свою неосмотрительность. Хредх на сей раз обманул и опыт Ходока, и чутье северянина: оставив собак в отдалении, он приказал авангарду незаметно подкрасться через кусты...

Подошвы драных сапог Конана и сандалий Альбиноса оскальзывались на мелких камнях, с каждым шагом назад спуск становился все круче, и стражники, почувяв преимущество атакующих сверху, входили в раж: клинки мелькали стремительнее, вопли становились все воинственнее, а маячившее позади лицо начальника отряда багровело, подобно грозному лицу Мардука.

И вдруг все кончилось.

Конан успел заметить, как легкая пелена нависла над скалистыми утесами, отрезая путь преследователям. Он словно нырнул в мутную стоячую воду — ряска сомкнулась над его головой и тут же исчезла. Небо было все таким же ясным, и варвар отчетливо видел жаворонка, парившего в вышине. И видел он вояк Хредха, остановившихся в нерешительности перед невидимой преградой. Сотник отчаянно орал что-то неслышное, разевая рот, как рыба, вытащенная из воды, и махал мечом, и награждал своих подчиненных пинками, но те, огрызаясь, топтались на месте, выставив перед собой мечи, не страшные уже и бесполезные...

— Все, — услышал киммериец негромкий голос Ходока, — мы в Провале.

* * *

— Все, — сказал я северянину, — мы в Провале.

Он стоял, выставив перед собой меч, потный, еще не остывший от схватки, и синие его глаза устремлены были вверх, туда, где толпились стражники.

— Давай, — сказал я ему, — спускайся полегоньку. Они сюда не сунутся.

Он обернулся через плечо и злобно буркнул:

— Не вижу причины, почему бы псы не растерзать дичь.

— А потому, — говорю, — что псы не настолько глупы, чтобы совать свои морды в западню. Я тебя предупреждал.

И стали мы спускаться. Вояки королевские нас, конечно, прекрасно видели, и тропу зреши, по которой дичь ускользает. Только я на них не смотрел, чего смотреть, когда и малыши ясно: в Провал идти — живот потерять. Они и не шли, убогие, ножонками только край обрыва топтали да ругались неслышно.

Надо признать, варвар мой только пару раз через плечо глянул, а когда понял, что преследователи нас оставили, пошел рядом, меч свой за ненадобностью в ножны сунув.

Долго ли коротко ли, достигли мы дна пропасти. Тропа вывела на опушку донного леса, а лес тот с первого взгляда обычный — ели, сосны да осины в низинах. Впрочем, со второго взгляда лес тоже обычный. Если кто не присматривается и костяков многочисленных под ветвями не видит.

Киммериец сразу смерть учаял.

— Что это, — вопрошают, — поле бранное? Неудобное место выбрали военачальники, ежели заставили воинов своих сражаться в лесу.

Пришлось ему объяснить что к чему. Что не было здесь битвы, а скелеты многочисленные, белеющие среди трав да кустов, принадлежат дурням, кои сюда носы сунули. Лес их кости хранит и прахом стать не позволяет. Возе многих до сих пор самоцветы лежат во множестве, ну и, конечно, оотэки сгнившие.

— Видишь ли, — объясняю, как можно спокойней, — многих героев прельщала пропасть, и сколько им ни втолковывали, что назад ходу нет — героев несть числа.

— Ты, видать, и втолковывал? — говорит догадливый северянин.

— Втолковывал, — отвечаю честно. — Как тебе. Мне скрывать нечего.

Конан-варвар брови хмурит: вижу, не верит ни единому моему слову. Его дело. Идем дальше.

А дальше лес расступается и начинаются травы. Как только мой киммериец их видит — сразу меч наголо. Еще бы: я когда первый раз в Провал спустился, тоже оружие из рук не выпускал. Впечатляет местная поросль: любая травинка локтей сорок в высоту, мясистая, душистая и все такое... На новичков действует.

Спутник мой вопросами больше не донимает — и на том спасибо. Чувствует, видать, себя карликом из легенд, что мать ему рассказывала. И то сказать: сильный мужик, воитель знатный, гладиатор бывший, а травинки над ним нависают, словно пагоды вендейские над паломником. Есть отчего призадуматься.

Только юный киммериец недолго лоб хмурит. И спрашивает, что я среди трав гигантских забыл и отчего меня, выродка-альбиноса, так король бритунский недолюбливает. Над вопросом его я, убогий, там, наверху, посмеялся бы, но мы-то шлепаем подошвами по дну пропасти, и вряд ли мой спутник кому что наверху расскажет... А посему таить от киммерийца я ничего не собираюсь и, дабы скоротать путь наш, рассказывают и о щите Агибалла, и о "лучезарных зернах", кои столь большой популярностью среди интриганов пользуются, о своем проклятии, наложенном невесть кем и невесть за что...

Он слушает и вдруг говорит то, о чем я не раз думал:

— Значит, ты избранник богов. А почему не богат? Варвар — он варвар и есть. Умеет не в бровь, а в глаз врезать.

— А потому и не богат, — отвечаю, — что таким, как я, выродкам, место только на костре у Толстой Башни. Каштаны из огня многие чужими руками таскать горазды. А когда каштаны зубы портят — руки те отрубают.

Тут юноша мой задумывается и долго шагает молча.

— Я видел драгоценные камни возле скелетов, — бурчит он наконец, — почему бы тебе не носить их из пропасти? Ты мог бы сбывать самоцветы в Бельверусе или еще где...

Конечно. Я много чего мог бы. Если бы не щит Агибалла. Сила, довлеющая над Провалом, сила древнего небожителя, охраняющего свои сокровища.

О том и говорю варвару. Еще я говорю ему (тайн на дне пропасти нет), что никто не может поднять наверх несметные сокровища, разбросанные по донным лесам и травам, подобно росе после теплой ночи. Останки тех, кто пытались, среди колючек белеют. И еще, говорю я ему, многие смотрят, но не видят. Я тоже слепцом сюда пришел, не в том, конечно смысле, что бельма у меня на глазах были, а смотрел, но не видел.

— И что же ты такое узрел, белобрысый, чего я рассмотреть не могу? — интересуется

варвар с ухмылкой.

Пусть себе ухмыляется. Хорошо смеется, кто смеется последним. А я надеюсь еще поскалить зубы за верхней кромкой Провала.

— Да ничего особенного, — спокойно отвечаю ему, — вижу я примерно то же самое, что и ты. Деревья, травы гигантские, камешки разноцветные вперемешку с костями. Только вот камешки те мне несколько по-иному представляются: темно-синие, к примеру, — тоска смертельная, желто-коричневые — тревога, что душу, словно дикий зверь гложет, красные — просто ужас...

— Что же в них такого страшного?

— Чтобы тебе понятней стало, расскажу одну историю. Жил-поживал князь бритунский по имени Увлехт. Ты, должно быть, знаешь, что король наш слаб, власти почти не имеет, и вассалы только и делают вид, что ему подчиняются, а живут обособленно, и всякий в своих землях царь, бог и судья поданным. Так вот, Увлехт этот тоже себя властителем знатным мнил. И признал он как-то, что бродит по его вотчине некий выродок белобрысый, именуемый Ходоком или Альбиносом. И не только бродит, но и спускается в Провал, на дне которого лежит щит Агибалла и куда иным смертным путь заказан. Не ради праздного любопытства спускается, а корысть имея. И таскает сей Альбинос со дна пропасти разные диковинки...

— Ты же врал, что никто не может сокровища наверх поднять! — перебил меня киммериец, очень довольный, что во лжи уличил.

— Ну, это как поднимать, — говорю. — Те, кто здесь вечный покой нашли, мешками драгоценности с собой тащили, да надорвались. Я же смекнул вовремя, что камни надо поштучно выносить, потому и жив все еще. Так вот, князь Увлехт послал гонцов, которые меня разыскали и в замок к нему привели. Не совсем добровольно, конечно, но и без особого моего сопротивления: знал я, что один камешек получив, князь и другие захочет. Так и оказалось. Увлехт купил синий самоцвет и потребовал, чтобы я принес ему желтый, а потом красный...

Очень он гордился, что имеет камни со дна Провала. Вставил их в перстни и перед другими нобилями при каждом случае хвастал. Довольный по округе ездил, аж светился. А потом стало твориться с ним неладное. Заговариваться князь начал, на людей кидаться. Раз в лесу возле своего замка наехал на трех лесорубов, что по его же приказу деревья для какой-то постройки валили, решил, что это воры, и зарубил несчастных. Ладно бы только вилланы от его руки страдали, так и на людей благородных ополчился: чуть что, меч из ножен долой — и пошла потеха. Многих на Серые Равнины отправил, ни мольбы, ни посулы выкупов богатых не трогали его сердце.

Была у князя жена, молодая красавица Астель. И нашли раз бедняжку в колодце, что во дворе замка. Как она туда попала — Митра Всеблагой лишь знает, тем более что княжна, конечно, ведра в дом сама не таскала.

Увлехт совсем умом тронулся: построил челядь и стражу свою у крепостной стены и ну вдоль строя с арбалетом бегать. Каждому пятому лично болт в горло всаживал. Не выдержала тогда дружина, повязала князя. Три седьмицы он в горячке пролежал, а когда очухался, повинился перед людьми. Не прошло и трех дней — призвал меня и велел красный камень ему принести.

— И ты, конечно, принес, — понимающе кивнул северянин.

— Принес. Заказчик платит, купец товар доставляет.

— И что стало с твоим заказчиком?

— Ввязался в один глупый спор, закладчика своего до смерти довел и сам от руки слуг оного мучительной кончиной скончался... Но камешки разноцветные — это, конечно, семечки. Есть в Провале кое-что интересней. "Лучезарные зерна" прозываются. Закладываешь за щеку и любого насквозь видишь: что на уме, что на сердце. Вот за зернышки-то эти по-настоящему большие деньги взять можно.

— Берешь?

— Брал. Но счастье мое, видать, кончилось, если сам король Бритунии допер: не все, что хорошо, хорошо же и кончается. "Лучезарные зерна" столь же коварны, как и самоцветы здешние. Раз отложив их за щеку, хочется принимать еще и еще. И открываются иные сферы, жуткие, с ума сводящие. Полны они чудовищами бесплотными и видениями столь тоскливыми, что жить не хочется. Ну и, конечно, представь себе сколь скорбно наблюдать постоянно людышек без всяческих масок, тех кто друзьями прикидываются и верность свою лукаво преподносят... Князь Влоущ, к примеру, как Хретх сказывал, жену свою порешил и сам на Серые Равнины вслед за ней отправился.

Шагали некоторое время молча. Киммериец что-то обдумывал, морща лоб и тихо бормоча себе под нос неразборчивое. Потом спрашивает.

— Значит, накрылась твоя торговлишка? Что делать станешь?

— А делать я стану, — отвечаю, — вот что. Найду где-нибудь тут оотэку, "лучезарные зерна" содержащую, поднимусь наверх, проберусь куда подальше, в Бельверус либо в Гальперан аквилонский, продам и больше в Провал — ни ногой. Деньжат я скопил, в надежном месте припрятаны, так что пора начинать добродетельную жизнь, как жрецы велят. Пожалуй, десятую часть храму Подателя Жизни отпишу.

Северянин снова помолчал, потом говорит:

— Раз так, я отставать не стану. Кромом клянусь, глупо упускать возможность подзаработать. Укажи, белобрысый, где искать твою оотэку или как там ее, поделим поровну, наверх влезем и разбежимся.

Смешной парень. Странно, к другим я никогда симпатий не питал, а этот сразу по нраву пришелся. Даром что готов был меня прикончить на Тропе Мертвцевов. Жаль мне его стало, да что поделаешь, видать Кром этот, которого поминал киммериец, немного отпустил ему ходить по земле.

— Я толковал уже, — замечаю, — что наверх нет тебе дороги. Ты не поверил. Вольному воля, счастливцу — удача. Только удачи тебе не будет, северянин. Не отпустит тебя Провал.

— Да? — скалится он насмешливо, лихо срубая мечом своим подвернувшуюся травину. — И что это за твари, путь преграждающие?

— Никаких тварей нет, — объясняю. — Так что сражаться тебе не с кем. А только щит Агибалла так сделает, что живым тебе не уйти.

— Тогда покажи, где этот щит, и я его уничтожу!

Тут я не выдержал и расхохотался. Представил, как киммериец клинком по штуке этой лупит и просто зашелся. И вижу краем глаза: варвар мой ощерился зловеще, вот-вот снова на меня бросится...

— Ладно, — говорю, — отведу тебя, куда просишь. Только уж не обессудь, ежели силенок не хватит.

Он хотел что-то ответить, но тут стена трав впереди колыхнулась, и выше наших голов на десять явились лупоглазая морда Жрицы. Она разевала маленький черный клюв, а

посреди зеленоватого туловища, сложенные, как руки молящегося, подергивались страшные лапы, подобные пилам с двойными рядами острых, загнутых внутрь зубцов...

* * *

Чудовище, явившееся взорам Конана и Альбиноса, носило в своем облике странную смесь зловещей уродливости и изящества.

Его передние лапы, толстые у основания и увенчанные длинными, изогнутыми подобно серпам косарей лезвиями, были похожи на веретена и усеяны черными пятнами с белыми глазками внутри; жемчужные разводы дополняли странный наряд. Снизу от локтевых суставов шел двойной ряд острых шипов: по дюжине на каждой лапе, черные в перемешку с темно-зелеными. Наружный ряд был более прост и состоял только из четырех зубьев, острых, словно иглы. Наконец, три самых длинных шипа торчали позади двойного ряда. Великолепные оружия смерти едва заметно покачивались и такт дыханию твари.

— Что за гадина? — поинтересовался варвар, с любопытством разглядывая монстра из-за густой поросли, где они с Ходоком укрылись.

— Везет нам, — негромко отвечал белобрюсый, — говорят, на ловца и зверь бежит. Воистину, северянин, ты удачив. Это Жрица Агибалла. А раз она появилась, и пузо у нее не отвислое, значит оотэка рядом где-то.

— Жрица Агибалла? Эта пакость что ли охраняет щит?

— Ничего она не охраняет и ума у нее не более, чем у деревенского дурачка после обильной выпивки. Тварь свирепая и весьма кровожадная, но, ежели будем сидеть тихо, она нас не заметит и уберется. Тогда поищем оотэку, заберем и отвалим.

— Ты обещал мне... — начал было киммериец и умолк. Из-за бурого листа, не уступавшего размерами ярмарочному помосту, появилась стройная фигурка. Это была тоненькая нагая девушка. Длинные желтоватые косы падали на маленькую грудь и волнами спускались ниже пояса. Девушка, не обращая внимания на чудовище, неторопливо побрела среди мхов, доходивших ей до колен.

Жрица крутанула башкой, глаза ее, похожие на каски немедийских рыцарей, уставились на беззащитное существо. Монстр шагнул вперед, разваливая заросли трав...

— Клянусь дубиной Крома, — хрипло прошептал киммериец. — Куда ее несет, эту красотку? Глупая девчонка...

Он не договорил и полез из кустов на прогалину.

— Это не девчонка! — отчаянно крикнул Ходок ему в спину, но было поздно: Жрица заметила варвара.

Огромное тело монстра содрогнулось, словно под ударом бича великана. Жесткие надкрылья на спине стремительно откинулись в стороны, вздыбившись, подобно парусам корабля, конец брюшины скорчился, то поднимаясь, то опускаясь, растягиваясь резкими движениями, издавая шелест, похожий на шуршание распустившегося хвоста индука. Гордо опервшись на четыре задние ноги, чудовище расправило грудь, держа ее вертикально, передние хватательные лапы, сначала сложенные, словно для молитвы, теперь раскрылись во всю свою длину, обнажив подмышки, украшенные перлами и черными пятнами с белыми

глазками.

Неподвижная в своей угрожающей позе, Жрица пристальным взглядом следила за человеком, слегка поворачивая голову. Слышалось сухое потрескивание, словно занимался огнем хворост, этот звук, негромкий, но угрожающий, должен был лишить противника воли к сопротивлению.

Однако на сей раз Жрица столкнулась с достойным соперником. Варвар стоял, широко расставив крепкие ноги, выставив перед собой короткий меч, исподлобья глядя на монстра. Выйдя на открытое место, он не сделал более ни одного движения, справедливо полагая, что этого именно и добивается чудовище. Судя по конвульсивным движениям передних лап и брюшины, Жрица, несмотря на огромные размеры, способна была действовать гораздо более стремительно, нежели человеческое существо.

— Назад, северянин! — услышал Конан за спиной крик Альбиноса. — Назад, тебе с ней не справиться!

Краем глаза киммериец заметил, что девушка, даже не обернувшись, скрылась в зарослях.

— Давай, оглобля зеленая! — рявкнул варвар, слегка поводя острием клинка. — Хочу посмотреть, какого цвета твоя печень!

Огромные бесцветные крылья Жрицы с зеленою каймой по наружному краю слегка трепетали, многочисленные золотистые прожилки сверкали, переливались завораживающим блеском. Их сияние кружило голову, и Конану вдруг мучительно захотелось бросить оружие и прилечь в мягкий высокий мох. Забыться, заснуть, погрузиться в негу, дарующую покой... Вечный покой...

Зарычав, киммериец ринулся вперед. Его меч успел задеть отвратительную лапу-веретено: по роговому щитку, прикрывавшему зловещую пилу, потекла зеленоватая струйка сукровицы. В тот же миг Жрица стремительно выбросила вперед лапы и схватила человека. Конан ощутил, как земля ушла из-под ног, и увидел надвигающийся черный клюв, отверстый, готовый насладиться добычей... По бокам клюва сидели огромные сетчатые глаза, и за их радужной оболочкой киммерийцу почудился насмешливый блеск. Тогда, чувствуя, что тело его вот-вот будет разрезано надвое, варвар испустил боевой вопль и из последних сил всадил в смеющийся глаз короткий гиперборейский клинок.

* * *

— Тебя, видно, в кузне ковали, — сказал Альбинос, прикладывая к ранам Конана мясистые листья, ароматные, дарующие измученному телу покой и прохладу.

— Мой отец точно, ковалъ, — откликнулся северянин, — но родила меня обычная женщина.

Он лежал на подстилке из сухого мха в ста шагах от тела поверженного чудовища. Ходок притащил целебные растения, натер варвара липкой массой и напоил какой-то терпкой, обжигающей горло жидкостью.

— Много здесь тварей ползает, — ворчал он, пользуясь своего спутника. — Сдается мне, то обычные букашки-таракашки, кузнечики, саранча, кобылки... Только невесть почему

вымахали они с кобылу настоящую. Так вот, Жрицы из них самые кровожадные. Часами могут в зарослях таиться, а как жертва неосторожно к ним подпрыгнет, вылезают и ну крылья топорщить. Пугают. Добыча от их шуршания и потрескивания цепнеет и шагу ступить не может, так и ждет, пока Жрица их схватит, А как схватит, тут тварям ползающим и летающим конец: их пил этих страшных никто ускользнуть не может. Ты первый. Идти-то сможешь?

— Смогу. А что за девица голая нам являлась?

Альбинос поморщился.

— Не было никакой девицы. Тоже козни Жрицы. Сколько раз наблюдал, как твари эти морок на своих жертв напускают: кузнецiku — самку кузнечика, саранче — ее любовь... А нам вот тоже самочку подослала, только человечью_ Признаюсь тебе, северянин, я и сам бы купился, коли впервой такое увидел. Ладно, если шагать способен, поднимайся и давай поищем оотэку. Она здесь где-то, неподалеку.

Они углубились в заросли трав, осторожно ступая по сырой подстилке, готовые в любой момент встретить новую опасность.

Поиски были недолги: Ходок вскоре обнаружил пучок бурых растений, похожих на водоросли, и раскидал и своей палкой. Конан увидел листообразную сумку локтя три длиной, цвета пшеничного зерна. Оотэка была сделана из вещества, похожего на шелк, но не разделяющегося на нити, а представляющего сплошную пенистую массу. Верхняя сторона сумки была выпуклой и разделялась тремя продольными поясками.

— Счастлив твой Кром! — осклабился Ходок. — Бывало, я дня три-четыре средь трав бродил, прежде чем яйца найти. А тут, на тебе, сразу натолкнулись.

— Яйца? — переспросил киммериец.

— Да, северянин, "лучезарные зерна" — приплод Жриц, который эти твари откладывают в оотэках. Не знаю уж, почему он обладает столь удивительными свойствами, но, думаю, виной тому щит Агибалла.

— Ты обещал отвести меня к нему.

— Обещал и сделаю. Не хочу, чтобы ты винил меня в том, что не сможешь выбраться из Провала. Хочешь добрый совет, киммериец?

— Нет.

— И все же послушай. Уйти отсюда ты не сможешь. Построй хижину где-нибудь возле ручья и живи мирно. В лес, что у подножия скал, не суйся, ты видел, чтосталось с теми, кто через него пройти пытался. Пища здесь хоть и не изысканная, но сытная: листья, корни, живность. Думаю, вскоре привыкнешь гигантских кузнечиков вкушать. Мясо у них хоть и горьковатое, но есть можно.

— А я вот что думаю, — сказа Конан, почесывая подбородок. — Думаю я, белобрысый, что врешь ты. Для того и "зерен лучезарных" мне не нужно. Только не пойму, зачем врешь. Ну да неважно. Думаю я еще, что хорошо бы тебя прикончить. Драться ты умеешь, знаю. Да только загоняю я тебя, так мыслю. Ежели спуску не давать, дыхалки у тебя не хватит. А когда силы кончатся — сам палку свою кинешь и пощады попросишь.

Альбинос и глазом не моргнул.

— Правда твоя, северянин, — отвечал спокойно, — загнать ты меня, конечно, можешь. Грудь у тебя пошире моей, да и моложе ты годов на десять. Только что в том толку? Жрица — не самая коварная тварь в Провале. Ты силен и проворен, слов нет, да только к силе и проворству еще и опыт надобен. А опыта у тебя нет. Так скажу: я тебя сюда не звал, ты мне

не кум и не брат, скрыться я мог бы сейчас же, но делать этого не стану. Помню, что тебе обязан: избавлением от костра у Толстой Башни. Кстати, спросить хотел, по каким таким рассуждениям ты за меня в схватку мою со стражниками влез?

Варвар пожал плечами.

— Не знаю, белобрысый. Видать, не люблю, когда семеро одного бьют. В Халоге бывало: выпускали на арену пятерых-семерых против одного. И потом, завожусь я, как только герб королевский на броне увижу.

— В том мы похожи, — кивнул Ходок, — кто родился подсвист ветра, не станет желать ни оков, ни хором. Так вот, киммериец, я обещал, что отведу тебя к щиту Агибалла, и слово свое сдержу. Толку в том никакого, но хочу, чтобы ты на меня зла не держал.

С тем они и двинулись между огромных стволов, который в других местах просто шуршали бы под ногами.

* * *

Не знаю, из чего сделаны киммерийцы. Предки мои по матери более с ними воевали, а иногда и вступали в боевой союз, как предания рассказывают. Асы и потомки атлантов (а киммерийское племя считает себя наследниками сего народа допотопного) не раз ходили в набеги на южные земли и часто одолевали закованных в броню рыцарей. Думаю, и к тому меня доблесть безответная двух народов северных склоняет, что, забудь асы и киммерийцы раздоры, покорили бы они мир и заставили трепетать и насмешливых аквилонцев, и гордых зингарцев, и шемитов, и даже стигийцев, обитающих за великой рекой Стикс и мнящих себя потомками самого Сета, Змея Вечной Ночи.

Ежели этого парня пилы чудовища не растерзали, ему все ни почем. Раны его затянулись на глазах, и после схватки, любого другого отправившей бы на Серые Равнины, он шагал среди трав столь бодро, словно прекрасные банщицы аграпурские только что натерли его тело целительными мазями.

Я, признаться, пожалел даже, что не смогу уговорить киммерийца навсегда поселиться на дне Провала. Славная была бы компания. Девицу какую сверху бы притащили, усадьбы где построить, я ведаю, а то, что воздух здешний (или чары агибалловы) для здоровья полезны и жизнь продлевают практически бесконечно, в том убедился уже, и не убедился, а просто — знаю. Жить, как говорится, поживать, а добра наживать здесь не надо. Ни к чему здесь добро.

Шагаю я среди порослей огромных и видится: год-другой минует, и делаемся мы с киммерийцем все выше и выше, равняемся со здешними обитателями, кровь свои перестраиваем. И жены наши от нас не отстают. Десять зим минует и, чем Сет ни шутит (прости, Хредх, что имя Змея Вечной Ночи поминаю), и вот — здешние твари становятся что обычные букашки для ноги человеческой. Вижу. А тогда, если видение меня не обманывает, поднимаемся мы в мир людской, и нет нам ни удержу, ни помехи...

— Эй, — окликает меня тут варвар, — что за дермо Нергалье?

Впереди, за порослями, открывается щит. Более всего похож он на панцирь гигантской черепахи, зарывшейся в землю. Чтобы его пересечь, шагов пятьсот надо сделать.

Поверхность, более сходная действительно с роговым черепашьим панцирем, круто уходит вверх, а на крае противоположном, знаю, обрывается. Там, под обрывом, видны огромные колонны, некогда державшие круг, словно крышу храма. Колонны глубоко ушли в землю, а щит оплели выюны коричневатые, сухие, и на пластинах, поверхность этой штуки составляющих, греются на солнышке пяток-другой огромных кузнецов.

— Щит Агибалла, — говорю варвару. — Может, и не щит, а жилище его, с неба рухнувшее, а может, еще что. Хочешь разбить — разбей.

Он нос морщит, совсем по-волчьи воздух нюхает.

— Нехорошо здесь, — говорит, и, слышу, голос совсем не такой уверенный, как прежде.

— Давай, — говорю, — действуй.

Киммериец на меня зенками синими зыркнул и зубы оскалил. Вижу, мысль в глазах его метнулась, и радуюсь, что не только порывам своим он следует, но и осторожность имеет.

— Не темни, белобрысый, — слышу, — не стал бы ты меня сюда просто так вести. Что под щитом скрыто?

— Кто его знает? — ответствуя осторожно. Пусть сам думает.

— Ежели бы ничего внутри не было, — гудит варвар, — не стал бы щит свои владения охранять. А коли охраняет...

"Давай, — умоляю я мысленно, — соображай, сметливый юноша!" И юноша сам приходит к заключению.

— Ежели бы ничего внутри не было, — говорит он, — не хранил бы Агибалл свои владения. Щит — он защита и есть, любой воин тебе скажет. Ты врал, что нет для меня пути отсюда, но если небожитель, либо его хоромина, ограждают владения от пришлых, это, клянусь пяткой Крома, что-то да значит. Не раз доводилось мне подбирать оброненные в битве щиты, и хранили они не хуже купленных!

— Так ступай и подними то, что поднять не можешь, — говорю я.

Честно признаюсь, не ожидал от варвара такой смекалки. Многим приходилось суть дела разжевывать. Случались и такие, кто до конца не верил в возможность спасения. О тех палка моя ведает, да Нергал, души их принявший.

Варвар только глянул на меня злобно и вперед ринулся. Вскоре я смог убедиться, что "лучезарные зерна" ему и впрямь ни к чему. Киммериец пару раз ударил клинком в щит, убедился, что крепость онного подобна стене крепостной, и тут же принялся поддевать мечом пластины, составляющие поверхность.

Ждать я не стал. Взбрался на крышу хоромины агибалловой, нагретую солнцем (кузнечики прыснули в стороны и застrekотали в зарослях — словно полтыщи игрецов ярмарочных свои инструменты в ход пустили) и помог варвару отколупнуть роговую штуковину.

Снизу она была сырья, пористая, и выступы обычные на ней замечались, за которые так держать удобно. Настоящий щит.

— Что ж, — говорю, — ты, видать, решил, что спасение обрел. Рискни. Только я ни за что не отвечаю.

— А я тебя и не прошу, выродок, — бурчит он, приложив пластины локтя два длиной наподобие щита настоящего.

И повел я северянина к тропе, что вилась через лес донный. Среди костей да камешков самоцветных — наверх, в мир, к обоим нам, думаю, не слишком ласковый.

Северянин шагал впереди, прикрывшись пластиной. Словно в бой шел против целой

армии. Меч он не выпустил и готов был, видно, сразиться, хоть с выводком демонов. Я за спиной его вышагивал, и муторно мне было, словно ядовитый гриб съел.

Миновали мы травы, лес миновал и подошли к скалам.

Тут варвар мой и говорит, обернувшись:

— Не знаю, правду ли ты мне сказывал, белобрысый, и смогу ли я из сего гиблого места ноги унести. А только давай поделимся. Думаю, "лучезарные зерна" мне так же пригодятся, как и тебе.

Справедливо сказал. Попросил я у него меч, разрубил оотэку пополам и ему часть отдал. Что ж, пропадать добру, так пропадать.

Топаем вверх по тропинке, что среди скал вьется. Я уже муть, закрывающую вход в Провал, вижу, а северянин мой весело насвистывать принялся. Киммерийцы они киммерийцы и есть, и в двух шагах от смерти веселиться будут.

И вот, наблюдаю, занялся щит в руках его бледным пламенем. Пламя то все возгорается, свирепеет, миг — и руки северянина уже объяты его холодными языками. Знаю я, что жжет ему руки, и грудь тоска смертная холодит, и ноги подкашиваются... Многих я видел, кого водил в пропасть, и ужас их видел, и отчаяние, и тщетные попытки спастись. Затем и водил, что Провал двоих не отпускает, и один, первым идущий, должен щит перед собой нести, второму дорогу прокладывая. И когда последний сполох, яркий, как зарница в грозовом небе, поглотит незадачливого героя, следом идущий, выродок белобрысый, получит свободную дорогу наверх, к людям, которые презирают его и жаждут его диковин, со дна пропасти принесенных...

Только ничего этого на сей раз не было. Конан-варвар, прокладывающий мне путь, только помянул Крома своего неведомого, щит из рук не выпуская, зеленые сполохи оплели его тело, пыхнули и растаяли, как туман под утренним ветром. И понял я, что тоска и предчувствие беды там, на Тропе Мертвцевов, не обманули. Время Ходка ушло, путь в Провал ему отныне заказан, а Агибалл, небожитель неведомый, обратил лик свой на иное человеческое существо...

* * *

— Прощай, белобрысый!

— Прощай и ты, Конан-северянин!

— Видишь, slab оказался твой Агибалл.

— Слаб или милостив — не нам судить.

— Что делать станешь?

— Не бойся, не пропаду. Деньги у меня есть, есть и невеста, нежная и преданная. Построю усадьбу в долине Лема, обнесу высоким тыном, собак во двор напущу и стану жить, с людьми не знаясь.

— Все еще оотэка покоя не дает?

— Может, и так. Ты свою долю сбудь подальше отсюда. Лучше всего в Заморе, стране воров, тамошние толстосумы падки до зелий неведомых. И упаси тебя Кром возвращаться в Провал. Прощай.

— Прощай и ты, Альбинос. Мир велик, есть что посмотреть, кроме дыры этой затхлой. Смотри, не клади за щеку "лучезарные зерна", люб свою жену слепо, до правды не доискивайся!

Они махнули на прощание друг другу и разошлись, вздымая пыль: Конан-варвар — подошвами потертых сапог, Халар Ходок — босыми, привычными к окольным путям ступнями.